

DOI 10.35775/PSI.2025.70.5.016

УДК 327

Ю.П. ТИХОНОВ

преподаватель кафедры зарубежного регионоведения и международного сотрудничества Факультета международного регионоведения и регионального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте

Российской Федерации, Россия, г. Москва

E-mail: tikhonov-yr@ranepa.ru

SPIN: 9430-5665

ORCID: 0000-0001-7438-9053

ОСОБЕННОСТИ СТРАНОВОГО КОММУНИКАЦИОННОГО РЕЖИМА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЕЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ

В статье рассмотрены особенности внешнеполитического измерения странового коммуникационного режима Республики Армения. На основе методологии по исследованию коммуникационных режимов, разработанной Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций, автором исследуются параметры коммуникационного режима как результат внешнеполитического курса, проводимого Республикой Армения на современном этапе. Автором выделены правила коммуникации, установленные для ключевых внешнеполитических акторов и проведена корреляция с внешнеполитическими приоритетами, обозначенными в Стратегии национальной безопасности 2020 года. На основе проведенного анализа автор дает характеристику основным тенденциям, преобладающим в общественно-политическом дискурсе, и оценивает их потенциальное развитие и влияние на российско-армянские отношения в перспективе.

Ключевые слова: коммуникационный режим, мировой порядок, международные отношения, Республика Армения, Российская Федерация, Турецкая Республика, Европейский Союз, США, национальные интересы, информационная безопасность.

Введение. Вопросы межгосударственного взаимодействия на постсоветском пространстве и межстрановой коммуникации являются предметом дискуссий на протяжении более 30 лет. Еще с распадом Советского Союза в 1991 года рассуждения о построении новой системы взаимодействия сначала в формате Союза Суверенных Государств, а затем Содружества Независимых Государств все больше велись в контексте выбора между историческим прошлым и новой национальной идентичностью, которую стремились закрепить молодые суверенные государства. На текущий момент, рассматривая субрегиональные подсистемы постсоветского пространства можно смело утверждать, что национальные

интересы бывших советских республик существенно разошлись: мы наблюдаем состоящие в Европейском Союзе и разорвавшие практически все связи с Российской Федерацией страны Прибалтики, наблюдаем дружественную Республику Беларусь, тесно интегрированную в формате Союзного государства, рядом же – находящуюся в состоянии конфликта с РФ Украину и отдаляющуюся Молдову, взявшие курс на евроатлантическую интеграцию, наблюдаем Центральную Азию, где выстроен прагматичный подход к евразийским форматам интеграции, основанный в значительной степени на экономической выгоде. Самым неоднородным, пожалуй, является регион Закавказья, где мы можем наблюдать балансирующий между несколькими крупными политическими игроками Азербайджан, Грузию, с которой отсутствуют дипломатические отношения, но при этом достаточно сильны исторические связи и гражданские коммуникации, и, наконец, Армению, которая в последнее время все больше и больше сталкивается с проблемами геополитического выбора. При этом не будем забывать, что все вышеперечисленные страны не только имеют общее историческое прошлое, но все еще находятся рядом на карте, что определяет необходимость поиска оптимальной модели сосуществования друг с другом, и, следовательно, построения коммуникации.

Коммуникационная сфера, несмотря на свою фрагментацию и хаотичность в глобальных масштабах, становится все более институционализированной и упорядоченной на уровне государств – того требует развитие информационного общества, а также сопутствующие вызовы безопасности. Институционализация коммуникации играет значимую роль и в международных отношениях – как инструмент дипломатии, как способность оказывать влияние, как возможность установления правил, которые позволяют либо создать препятствия, либо наоборот облегчить дружественность коммуникации между государствами.

Значение странового коммуникационного режима для внешней политики. Одной из форм институционализации коммуникации является страновой коммуникационный режим. Категория, сформулированная в отечественной науке в 2020 году Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций (НИИРК) [2], призвана систематизировать, вывести корреляции в коммуникационных процессах внутри стран и между ними, что в свою очередь позволяет объяснить первопричины, природу и характер тех или иных феноменов, возникающих в сфере информационно-коммуникационного обмена. Помимо этого, коммуникационная сфера является интегральной и затрагивает все сферы общественных отношений, поэтому ее анализ позволяет интерпретировать процессы, происходящие и в других плоскостях, в частности, как уже говорилось ранее – в международных отношениях. Страновой коммуникационный режим определен как управляемая (с разной степенью управляемости) совокупность взаимосвязанных условий, принципов, норм, правил (и санкций за их невыполнение), принятых для достижения целей упорядочивания и регулирования коммуникаций и информации в общественной системе [3. С. 14]. Правила, установленные коммуникационным режимом, служат базисом

для внутривостановых и межвостановых взаимодействий. При этом, стоит отметить, что в контексте данного феномена следует рассматривать правила межвостановых взаимодействий как продолжение внутривостановых, так как это предопределено всеобъемлющим характером коммуникационной сферы.

Провести барьер между внутренними правилами коммуникации и внешними крайне затруднительно. По сути, мы имеем дело с внешними актерами, которые на повседневной основе существуют во внутривостановом информационно-коммуникационном пространстве (СМИ, НКО, общественные организации и др.). Разумеется, этот процесс является взаимным между странами (как территориями с определенным населением и вариативностью акторов, влияющих на коммуникацию), даже в тех случаях, когда государства (как политические акторы) стремятся этот процесс ограничить. Ограничения, как правило, определяют степень интенсивности взаимодействия между коммуникационными режимами. По сути, классификации коммуникационных режимов, выдвинутые В.И. Гасумяновым и В.В. Комлевой [2] определяют интенсивность взаимодействия между государствами: открытость позволяет ее усилить, зависимость – определяет степень самостоятельности от других режимов, дружественность – определяет характер взаимодействия и стремление сторон к его интенсификации, управляемость – позволяет оценить как характер интенсивности, так и откуда проистекает инициатива по интенсификации взаимодействия. При этом, стоит отметить, что кажущиеся на первый взгляд однозначно негативными черты, как закрытость режима или же наоборот его зависимость и внешняя управляемость, могут устанавливаться непосредственно с согласия внутреннего центра принятия решений, что будет свидетельствовать о конвенциональности данного режима [4. С. 148-149]. Таким образом, мы видим, что параметры внутреннего коммуникационного режима могут напрямую определяться внешними актерами, что свидетельствует о важности данной категории при рассмотрении внешней политики государств. В идеале же коммуникационный режим и его характеристики при его контролируемости должны напрямую определяться конкретными национальными интересами государства, которые также могут касаться и внешнеполитической сферы, т.к. они определяют место страны в системе международных отношений.

Внешнеполитические интересы Республики Армения. Республика Армения прошла достаточно длительный путь к формулированию национальных интересов, при этом нельзя сказать, что они определены до конца. В самой Стратегии национальной безопасности 2020 года обозначено: «...национальная идентичность не остается неизменной... Сегодня мы не знаем, что подразумевал наш соотечественник времен царя Арташеса, когда произносил слово «армянин». Но мы точно знаем, что он не имел в виду то же, что сегодня подразумеваем мы» [10. С. II]. Современную идентичность независимой Армении формировал не только и не столько упомянутый царь Арташес, сколько те вызовы, которые возникли в первые же годы возникновения Республики. Некоторые из них, как вопрос Нагорного Карабаха и взаимоотношений с Турцией имеют давнюю

историю и вышли на передний план в связи с крахом советской системы, какие-то возникли в силу разрыва хозяйственных связей и усугубили общественные противоречия, вновь возникшие в данный период времени. Тем не менее долгое время не было принято единого комплексного документа по национальной безопасности, а основной фокус был сосредоточен в военно-политическом измерении и представлен служебными документами (например, «Основы военной политики Республики Армения: военно-политический аспект национальной безопасности») [6. С. 84-85].

Первая Стратегия национальной безопасности Республики Армения появилась в 2007 году, разработанная Межведомственной комиссией при активном содействии ключевых научно-экспертных организаций [7]. Документ провозглашал не только национальные приоритеты в военно-политической сфере, но и весь спектр внешних и внутренних угроз. Отдельно стоит отметить четко сформулированные приоритеты в двухсторонних отношениях Республики Армения с другими государствами в целях обеспечения национальной безопасности. Ключевым принципом во внешней политике провозглашалась «комплементарность» (взаимодополняемость), подразумевающая взаимодействие со всеми акторами, заинтересованными в балансе в регионе в сферах, представляющих обоюдный интерес [9]. Стратегия действовала на протяжении 13 лет, после чего в 2020 году была принята актуальная ее версия, действующая на настоящий момент. Стратегия 2020 года содержит 4 национальных интереса, 2 из которых можно отнести к внешнеполитической среде:

1) обеспечение независимости, суверенитета, территориальной целостности Армении и безопасности Арцаха;

2) укрепление мира и международного сотрудничества [10. С. 9].

В рамках первого интереса стоит уделить внимание вопросу панармянства. Стоит отметить, что данный аспект значим для Республики Армения, поскольку безопасность и благоприятную внешнюю среду она рассматривает не только через призму территориальной целостности Армении, но и через безопасность армян по всему миру, что подразумевает решение вопросов взаимодействия и безопасности диаспоры и Нагорного Карабаха (Арцаха). Несмотря на исход событий 2023 года, который фактически свел на нет целую часть положений рассматриваемой стратегии, вопрос панармянства и Нагорного Карабаха остаются центральными вопросами внешней политики и дискурса, наравне с темой признания геноцида армян, двумя травмами, которые по сути детерминируют отношения Республики Армения с другими государствами. Таким образом, можно констатировать секьюритизацию означенных вопросов, что по сути определяет их значимость для межстрановых коммуникаций как элемента внешней политики.

Второй интерес несколько более комплексный и его решение несколько отличается от комплементарного подхода, озвученного в Стратегии 2007 года, в связи с чем имеет смысл рассмотреть его именно в динамике. Бархатная революция 2018 года, а также напряжение в Нагорном Карабахе, вылившееся во Вторую

карабахскую войну, являются прямым контекстом принятия последней редакции Стратегии. Как следствие, в ней обозначен переход от комплементарности и взаимодополняемости к многовекторности и диверсификации. На первый взгляд, может показаться, что отличие носит несколько косметический характер, однако принимая во внимание геополитический аспект и нарастание противоречий между Россией и Коллективным Западом, ЕАЭС и ЕС, ОДКБ и НАТО, которые не были так акцентированы в 2007 году, становится очевидным, что смена курса на многовекторность несет в себе риски, схожие с ситуацией, происходившей в 2008 году в Грузии и в 2014 году на Украине, когда поляризация общества привела к перепутью и геополитическому выбору между историческим соседом и евроатлантическими интеграционными проектами. На данный момент последние события в Республике Армения также свидетельствуют о накоплении противоречий о выборе пути страны, основы которого были заложены в 2020 году. Несмотря на официальное отрицание охлаждения в отношениях между Республикой Армения и Российской Федерацией становится очевидной ее ориентация на Европейский Союз и НАТО, как субъекты, которые исходя из дискурса позиционируются как способные урегулировать те самые секьюритизированные вопросы.

Характеристика коммуникационного режима Республики Армения.

В рамках господствующего дискурса вопрос карабахского урегулирования, которое фактически осуществилось в пользу Азербайджана, поддерживаемого Турцией, продолжает оставаться господствующим. При этом, что парадоксально акцент делается не на непосредственно роли данных двух стран, а на отношении того, что сделали в этой ситуации другие стороны. В частности, данный вопрос является одним из ключевых в контексте негативного дискурса по отношению к Российской Федерации и непосредственно Организации договора о коллективной безопасности [1. С. 100], в которой Армения фактически заморозила участие в 2023 году, после чего Н. Пашинян в октябре 2023 года вместо посещения совета глав правительств СНГ в Бишкеке отправился на конференцию в Тбилиси по вопросам развития нового транспортного коридора. Было отменено и участие в саммите ОДКБ в Минске в ноябре того же года. При этом контакты с главами стран ЕС по армяно-азербайджанскому урегулированию, напротив, были активизированы. Данное смещение приоритетов несколько смягчилось в 2024 году, в частности тема ОДКБ ушла на второй план в российско-армянских отношениях, и была сепарирована от темы ЕАЭС, которая рассматривается армянской стороной в положительном ключе [5. С. 192]. Таким образом поляризация дискурса по карабахскому вопросу и ограничение политических контактов по линии ОДКБ, а также временное снижение контактов с Российской Федерацией при параллельной интенсификации контактов с ЕС является одной из черт проявления внешней политики на коммуникационный режим. Апогеем данного интереса стал подписанный в апреле 2025 г. Президентом Республики Армения Закон «О начале процесса членства Республики Армения в Европейском Союзе» [11], что вступает в противоречие с уже оформленным членством в ЕАЭС.

Интерес Республики Армения к ЕС выражается не только в вынужденном взаимодействии по причине поддержки в карабахском вопросе. Вопрос связей с западными странами напрямую связан с упомянутым выше вопросом армянства, а именно – вопросом диаспоры, которая достаточно значительно представлена и в этих странах [1. С. 101-102]. Вопрос сохранения данных связей, безусловно, представляет определенный интерес, как инструмент лоббирования интересов государства за рубежом и обеспечения поддержки и симпатий по вопросам, представляющим общеармянский интерес. Экспертами констатируется наличие устойчивых связей с диаспорой на уровне семейных отношений, однако институционализированная работа претерпела изменения – от Министерства диаспоры до Аппарата главного уполномоченного по делам диаспоры [8], что можно считать некоторым понижением статуса данного вопроса.

Панармянские вопросы находят, в свою очередь, отражение в установлении внутренних правил коммуникации в Республике. Представляя национальный интерес и являясь значимым контекстом для взаимоотношений с другими странами, Республика Армения обеспечила достаточно открытый режим со свободным доступом акторов – активно действуют некоммерческие организации, иностранные СМИ, при этом некоторая архаичность и мягкость законодательного регулирования в сравнении с другими странами Закавказья, обеспечивают практически беспрепятственный доступ и благоприятный режим для функционирования. При этом эпизодически регулирование может носить политический характер – так, по формальным причинам были зафиксированы некоторые случаи ограничения вещания Российской Федерации на территории Республики Армения, в частности, приостановка вещания «Первого канала» в мае 2024 г. «в связи с неуплатой», которая, впрочем, была быстро урегулирована [5. С. 199]. Эпизодические негативные проявления в виде провокационных заявлений в отношении российских СМИ и журналистов стали возникать после событий в Нагорном Карабахе, что свидетельствует об избирательности регулирования, которое, например, не зафиксировано по отношению к иностранным источникам, финансируемым из стран ЕС или США.

Таким образом, исходя из вышесказанного мы видим, что основными адресатами правил коммуникации являются стороны, представляющие для Республики Армения определенный интерес, в соответствии со Стратегией национальной безопасности 2020 года, а именно – Российская Федерация, Европейский Союз и Соединенные Штаты, т.е. страны, которые рассматриваются в качестве партнеров. Страны, обозначенные в качестве угроз, рассматриваются как сугубо контекстуальные при формировании инфоповодов и анализа отношения крупных акторов к вопросам, связанным с национальной безопасностью Республики Армения. Региональные акторы рассматриваются в контексте значимых для стабильности и баланса в регионе, однако не представляют особый интерес с точки зрения трансформации коммуникационного режима, т.к. не являются ключевыми адресатами правил коммуникации, установленных Республикой Армения.

Заключение. Коммуникационный режим является проекцией внешнеполитических интересов, так как в значительной степени может трансформироваться исходя из обозначенных в стратегических документах и государственной политике приоритетов. Сложившийся на данный момент страновой коммуникационный режим в Республике Армения служит тому подтверждением, так как он отражает тенденции, намеченные в Стратегии национальной безопасности 2020 года, и является их дальнейшей эволюцией. Режим уже сейчас демонстрирует потенциальные сдвиги и расколы в обществе и политическом курсе, вызванные переходом от комплементарности к многовекторности, что несет определенные риски для Республики Армения. Адресаты коммуникационных правил, являющиеся и причиной того самого упомянутого в начале геополитического выбора, будучи активно вовлеченными в коммуникационный режим, обладают возможностями влияния на него, которые могут перерасти в более активную конфронтацию при отсутствии изменений в геополитической обстановке, которые устранили бы данный раскол. В 2024 году коммуникационный режим Республики Армения второй год подряд был отнесен к флуктуирующим по отношению к Российской Федерации, однако характер данной флуктуации носит явно политический характер. Принимая во внимание положение Стратегии, предусматривающее ее регулярный пересмотр не реже 1 раза в 5 лет, перед Республикой Армения стоит непростая задача по сохранению баланса между интересами глобальных игроков, от которого зависит сохранение и процветание государства. Перед российской стороной, в свою очередь, стоит задача по сохранению дружественности коммуникационного режима Республики Армения, что требует как активного участия Российской Федерации, так и работы над его восприятием, что позволит сохранить ее место и положительную роль в системе национальных интересов Армении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Айвазян Д.С., Крылов А.Б., Погосян Г.А., Кривоусков В.В. Дружественность коммуникационного режима Армении: к вопросу о позициях СМИ и общества // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 1. [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-1\(7\)-94-111](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-1(7)-94-111).
2. Гасумянов В.И., Комлева В.В. Коммуникационные режимы как фактор межстрановых взаимодействий: постановка проблемы // Международная жизнь. 2020. № 10.
3. Комлева В.В. Страновой коммуникационный режим как социально-политический феномен // Россия и мир: научный диалог. 2021. № 1.
4. Комлева В.В. Управляемость страновых коммуникационных режимов. // Коммуникология. 2022. № 10 (1). <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2022-10-1-139-154>.
5. Коммуникационные режимы постсоветских стран: рейтинг дружественности – 2024. Научный доклад по результатам мониторинга коммуникационных

режимов постсоветских стран / В.И. Гасумянов, В.В. Комлева, О.В. Жуликова [и др.]. Москва: Национальный исследовательский институт развития коммуникаций, 2025.

6. **Марабян К.П.** Теоретические и практические основы «Стратегии национальной безопасности Республики Армения» // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 1 (28). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-1-28-83-88>.
7. **Минасян С.** Стратегия национальной безопасности Республики Армения: процесс принятия и структура документа // Сетевой исследовательский институт: сайт. 2007 // http://www.noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=2588Примечания.
8. Офис главного уполномоченного по делам диаспоры РА: сайт. 2025 // <http://diaspora.gov.am/ru>.
9. Стратегия национальной безопасности Республики Армения (Одобрена на заседании Совета национальной безопасности при Президенте Республики Армения 26 января 2007 г.) // Министерство иностранных дел Республики Армения. 2007 // <https://www.mfa.am/filemanager/Statics/Doctrinerus.pdf>.
10. Стратегия национальной безопасности Республики Армения: Устойчивая Армения в меняющемся мире. Июль 2020 // Министерство иностранных дел Республики Армения. 2020 // https://www.mfa.am/filemanager/security%20and%20defense/%20национальной%20безопасности%20Республики%20Армения%202020_0.pdf.
11. Նախագահ Վահագն Խաչատրյանը ստորագրել է մի շարք օրենքներ 04.04.2025 (Президент Ваагн Хачатурян подписал ряд законов 04.04.2025) // Президент Республики Армения: сайт. 2025 // <https://www.president.am/ru/signed-laws/item/2025/04/04/President-Vahagn-Khachaturyan-signed-laws/>.

YU.P. TIKHONOV

Lecturer of Department of Foreign Regional Studies and International Cooperation of Faculty of International Regional Studies and Regional Management, Institute of Public Administration and Civil Service of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia
SPIN: 9430-5665
ORCID: 0000-0001-7438-9053

FEATURES OF COUNTRY COMMUNICATION REGIME OF REPUBLIC OF ARMENIA IN CONTEXT OF ITS FOREIGN POLICY INTERESTS

The article examines the peculiarities of the foreign policy dimension of the country communication regime of the Republic of Armenia. Based on the methodology for studying of communication regimes developed by the National Research Institute for Communication Development, the author explores the parameters of the communication regime as a result of the foreign policy course pursued by the Republic of Armenia at the current stage. The author identifies communication rules established for key foreign policy actors and seeks their correlation with foreign policy priorities outlined in the 2020 National Security Strategy. Based on the analysis, the author characterizes the main trends prevailing in the socio-political discourse and assesses their potential development and impact on Russian-Armenian relations in the future.

Key words: communication regime, world order, foreign affairs, Republic of Armenia, Russian Federation, Turkish Republic, European Union, US, national interests, information security.